

КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію безъ
пересылки три руб. сер., съ
пересылкою 3 р. 60 к. сер.

Выходятъ два раза въ мѣсяць.
1 и 16 чисель.

16-го Апрѣля № 8. 1877 года.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА:

Отъ 28-го января—26-го февраля 1877 года, № 162, о выдачѣ правленіями духовныхъ училищъ воспитанникамъ, не окончившимъ курсъ 3-го класса, свидѣтельство о знаніи ими курса народныхъ училищъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенное господиномъ синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, за № 524, сообщеніе главнаго штаба о томъ, чтобы правленія духовныхъ училищъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 29-го мая 1876 г. временнаго списка учебнымъ заведеніямъ, съ раздѣленіемъ ихъ на разряды по отношенію къ отбыванію воинской повинности, выдавали бывшимъ ученикамъ, не окончившимъ курса въ 3-мъ классѣ сихъ училищъ, удостовѣренія о знаніи тѣми воспитанниками, если они пробыли

въ училищѣ не менѣе года, курса начальныхъ народныхъ училищъ. *Законъ*. Въ Высочайше утвержденномъ 29-го мая—10-го іюня 1876 г. временномъ спискѣ учебнымъ заведеніямъ, съ раздѣленіемъ ихъ на разряды по отношенію къ отбыванію воинской повинности, изложено: окончившимъ курсъ 3-го класса духовныхъ училищъ предоставляются права окончившихъ курсъ въ заведеніяхъ 3-го разряда, не окончившимъ курса въ этомъ классѣ—права окончившихъ курсъ въ заведеніяхъ 4-го разряда, при условіи пребыть въ училищѣ не менѣе года и получить отъ онаго свидѣтельство о знаніи курса начальныхъ народныхъ училищъ. Приказали: Объявить циркулярно по духовно-учебному вѣдомству чрезъ «Церковный Вѣстникъ», что правленія духовныхъ училищъ, на точномъ основаніи вышеупомянутаго Высочайше утвержденного списка учебнымъ заведеніямъ, должны, по прошеніямъ своихъ воспитанниковъ, не окончившихъ курса III класса, но пробывшихъ въ училищѣ не менѣе года, выдавать имъ свидѣтельства о знаніи курса начальныхъ народныхъ училищъ, на предметъ полученія таковыми воспитанниками, при поступленіи ихъ въ военную службу, правъ на льготы по отбыванію воинской повинности наравнѣсь окончившими курсъ въ заведеніяхъ 4-го разряда.

Отъ 24-го февраля—8-го марта 1877 года, № 256, о томъ, чтобы семинаріи не производили испытаній бывшимъ своимъ воспитанникамъ для пріобрѣтенія ими льготъ по воинской повинности.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Синодъ слушали предложеніе господина синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 10-го минувшаго февраля, № 626, по во-

просу витебской духовной семинаріи о томъ, слѣдуетъ-ли допускать въ семинаріи испытанія бывшимъ семинарскимъ воспитанникамъ на получение свидѣтельства объ окончаніи ими курса II-го класса семинаріи, для приобрѣтенія льготъ по отбыванію воинской повинности. *Справка:* 1) Высочайше утвержденнымъ 29-го мая—10-го іюня 1876 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта разъяснено между прочимъ, что лицамъ, желающимъ подвергнуться научному испытанію для приобрѣтенія правъ на льготу по отбыванію воинской повинности, опредѣленную пунктомъ 2 ст. 56 устава о сей повинности, или для поступления на военную службу вольноопредѣляющимся II-го разряда, экзамены могутъ быть производимы: во 1-хъ, при гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія; при военныхъ гимназіяхъ и при корпусахъ: Пажескомъ Финляндскомъ кадетскомъ, и во 2-хъ, при прочихъ учебныхъ заведеніяхъ II-го разряда, поименованныхъ въ спискѣ, приложенномъ къ 53 ст. Уст. о воин. повин., изъ полного курса сихъ заведеній, но только въ томъ случаѣ, если производство испытаній лицамъ постороннимъ допускается уставомъ заведенія. 2) Уставомъ православныхъ духовныхъ семинарій, Высочайше утвержденнымъ 14-го мая 1867 года, въ которомъ указаны случаи производства испытаній лишь при приѣмѣ въ семинарію воспитанниковъ, при переходѣ ихъ изъ класса въ классъ и при окончаніи ими курса (§§ 122, 123, 139), семинаріямъ не предоставлено права производить испытанія лицъ постороннихъ, которыя ищутъ какихъ либо гражданскихъ правъ и преимуществъ, соединяемыхъ съ учонымъ званіемъ или извѣстною степенью образованія. Приказали: Принимая во вниманіе, что въ данномъ случаѣ вопросъ возбужденъ о такихъ бывшихъ воспитанникахъ се-

минаріи, которые домогаются испытанія для полученія неприобрѣтенныхъ ими предшествовавшимъ образованіемъ въ семинаріи льготъ по отбыванію воинской повинности и слѣдовательно являются въ семинарію въ качествѣ лицъ *постороннихъ*, находящихся въ юридической связи съ нею, Святѣйшій Синодъ находитъ, согласно настоящему предложенію, что упомянутыя лица, на точномъ основаніи Высочайше утвержденнаго 29-го мая 1876 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, не должны быть допускаемы къ испытаніямъ въ семинаріяхъ для приобрѣтенія льготъ по воинской повинности, а имѣють подвергаться для сей цѣли экзаменамъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія или прочихъ, поименованныхъ въ означенномъ указаніи, учебныхъ заведеніяхъ другихъ вѣдомствъ. Посему Синодъ опредѣляетъ: объ изложенномъ, для надлежащаго въ потребныхъ случаяхъ руководства, сообщить по духовно-учебному вѣдомству циркулярно чрезъ «Церковный Вѣстникъ» установленнымъ порядкомъ.

Отъ 17-го февраля—8-го марта 1877 года, за № 212, о томъ, чтобы преподаватели, оставляющіе службу въ духовныхъ училищахъ, представляли предъ лѣтними вакаціями формальныя прошенія объ увольненіи.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный господиномъ Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, № 21, по возбужденному въ правленіи одного духовнаго училища вопросу: слѣдуетъ-ли выдавать жалованье тѣмъ училищнымъ преподавателямъ, которые, предъ началомъ лѣтнихъ вакацій, заявивъ желаніе оставить службу въ училищѣ, не

подаютъ прошеній о своемъ увольненіи отъ таковой службы до окончанія вакаціоннаго времени. Приказали: 1) Штатные преподаватели всѣхъ учебныхъ заведеній обыкновенно получаютъ жалованье въ теченіи цѣлаго года, не исключая ни зимнихъ, ни лѣтнихъ вакацій, хотя учащіе и освобождаются во время вакацій отъ классныхъ занятій наравнѣ съ воспитанниками. Такой же точно порядокъ установленъ и во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ подлежащими духовно-учебными уставами и штатами. Посему Святѣйшій Синодъ находитъ вполне справедливымъ не лишать выбывающихъ изъ духовныхъ училищъ, послѣ прекращенія въ оныхъ предъ лѣтними вакаціями ученія и окончанія переводныхъ годичныхъ испытаній, преподавателей слѣдующаго имъ за вакаціонное время вознагражденія; 2) Для устраненія же тѣхъ затрудненій, съ какими соединено замѣщеніе открывающихся учительскихъ вакансій въ духовныхъ училищахъ, вслѣдствіе одновременнаго выхода нѣсколькихъ преподавателей, постановить на будущее время правиломъ, согласно съ заключеніемъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, чтобы желающіе оставить службу въ училищѣ, по окончаніи классныхъ занятій, наставники представляли о томъ училищному начальству, предъ лѣтними вакаціями, формальныя прошенія съ точнымъ показаніемъ числа, съ котораго они желаютъ быть уволенными отъ службы въ училищѣ и рассчитанными жалованьемъ, считая при этомъ крайнимъ предѣломъ такового срока начало новаго учебнаго года, а училищное правленіе, на основаніи этихъ прошеній, объявляло объ открывающихся въ училищѣ вакансіяхъ и вообще дѣлало заблаговременныя распоряженія къ замѣщенію оныхъ съ показаннаго въ прошеніяхъ увольняемыхъ учителей срока. Объ изложенномъ, для руководства и исполненія

въ подлежащихъ случаяхъ правленіями духовныхъ училищъ, сообщить циркулярно чрезъ «Церковный Вѣстникъ» установленнымъ порядкомъ.

Отъ 19-го января—26-го февраля 1877 года, за № 74, по дѣлу о замѣнѣ вторично пожалованныхъ нѣкоторымъ церковнымъ старостамъ орденовъ слѣдующими въ порядкѣ постепенности знаками отличій.

Въ Святѣйшій Синодъ нерѣдко поступаютъ ходатайства о замѣнѣ вторично пожалованныхъ церковнымъ старостамъ орденовъ слѣдующими въ порядкѣ постепенности знаками отличій. Такъ какъ случаи вторичнаго пожалованія одними и тѣми же орденами происходятъ отъ одновременнаго представленія лицъ къ одной и той же наградѣ по разнымъ вѣдомствамъ, то Святѣйшій Синодъ, для избѣжанія подобныхъ случаевъ на будущее время, опредѣленіемъ 19-го января—26-го февраля 1877 года, постановилъ: предписать епархіальнымъ преосвященнымъ циркулярно, чрезъ напечатаніе въ «Церковномъ Вѣстникѣ», чтобы они, дѣлая свои сношенія, согласно 852 ст. Учр. Орд. Т. I, съ гражданскими начальствами о неимѣніи препятствій къ наградамъ, въ то же время спрашивали ихъ, не представлены ли тѣ лица, коимъ испрашивается награда по духовному вѣдомству, къ какимъ либо наградамъ по гражданскому вѣдомству.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

8-го марта. Бердичевского уѣзда с. Марковичъ священникъ Александръ *Демяновскій* согласно прошенію пе-

ремѣщенъ въ мѣстечко Махновку къ Рождество Богородичной церкви того уѣзда.

14-го марта. Каневского уѣзда с. Дыбинецъ священникъ Петръ *Ольшанскій*, согласно прошенію перемѣщенъ въ с. Великую Березянку, таращанскаго уѣзда.

14-го марта. Безмѣстный священникъ Павелъ *Рубановичъ* опредѣленъ въ село Дыбенцы каневского уѣзда.

21-го марта. Таращанскаго уѣзда 2-го округа благочинный священникъ Петръ *Артемовскій* удаленъ отъ благочиннической должности.

22-го марта. Черкаскаго уѣзда села Яблуновки священникъ Константинъ *Завадскій* и чигиринскаго уѣзда с. Боровицы священникъ Александръ *Заградскій* награждены набедренниками за усердное служеніе при честномъ поведеніи ихъ.

31-го декабря. Черкаскаго уѣзда села Хмѣльной священнику Іоанну *Мельниковскому* и церковному старостѣ крестьянину Павлу *Трофимчуку* объявлены отъ лица его высокопреосвященства признательность и благословеніе Божіе за усердіе о благолѣпії храма Божія.

9-го марта. Бердичевскаго уѣзда села Сопина церковному старостѣ Ивану *Панченку* выданъ похвальный листъ, а прихожанамъ того села объявлены отъ лица его высокопреосвященства признательность и благословеніе Божіе за усердіе о благолѣпії храма Божія.

Исключается изъ списковъ умершій:

6-го января. Бердичевскаго уѣзда мѣстечка Махновки Рождество Богородичной церкви священникъ Іоаннъ *Атлантовъ*.

Указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 15 марта сего 1877 года за № 846, возведенъ въ санъ протоіерея священникъ г. Кіева, Владимірской кіевской военной гимназіи, Владимірской церкви Павелъ *Троцкий*.

Указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 15 марта сего 1877 года за № 862, возведены въ санъ протоіерея священники: города Кіева коллегіи Галагана св. апостола Павла церкви *Илія Экземпларскій* и липовецкаго уѣзда мѣстечка Старога Дашева *Лука Кисилевичъ*.

ОТЧЕТЪ

объ ученической бібліотекѣ при кіев. дух. семинаріи.

Ученическая бібліотека при кіевской семинаріи, основанная въ 1870 году, продолжаетъ по прежнему пользоваться сочувствіемъ духовенства и учениковъ семинаріи. Воспитанники семинаріи съ усердіемъ представляютъ свои пожертвованія въ назначенные епархіальнымъ съѣздомъ духовенства сроки. Цыфра пожертвованій и употребленіе ихъ въ отчетномъ году были таковы: отъ 1875 года къ 1 января 1876 г. оставалось. . . . 297 р. 55¹/₂ к.

Къ тому въ 1876 году поступило вновь:

1) Собранныхъ отъ учениковъ семинаріи 154 р. 74 к.

2) Пожертвованныхъ епархіальнымъ съѣздомъ процентовъ съ капитала духовенства. . . . 35 р.

Итого въ приходѣ съ остаточными. 486 р. 29¹/₂ к.

Изъ сей суммы въ 1876 году израсходовано:

1) На покупку 97 названій разныхъ книгъ, для пополненія бібліотеки 213 р.

2) На выписку пяти періодическихъ изданій за 1876 годъ.	39 р. 50 к.
3) На выписку тѣхъ же періодическихъ изданій на 1877 годъ.	39 р. 50 к.
4) На переплетъ книгъ	13 р. 20 к.
5) На мебель для бібліотеки	55 руб.

Итого въ расходѣ 360 р. 20 к.

Затѣмъ въ остаткѣ къ 1877 году числится 127 р. 9¹/₂ к.

Въ отчетномъ 1876 году, по примѣру прежнихъ лѣтъ, полученъ въ даръ для ученической бібліотеки стъ редакціи журнала «Руководство для сельскихъ пастырей» экземпляръ ея годоваго изданія за 1876 годъ

Въ настоящее время ученическая бібліотека при кievской семинаріи, по разнымъ отдѣламъ наукъ, преподаваемыхъ въ семинаріи имѣеть 660 названій, а книгъ 1346.—

Въ частности по отдѣламъ книги распредѣляются такъ:

- 1) Богословіе—названій 57, а книгъ 72;
- 2) Св. писаніе—названій 49, а книгъ 69;
- 3) Гомилетика, литургика и практическое руководство для пастырей—названій 147, а книгъ 176;
- 4) Церковная исторія—названій 63, а книгъ 110;
- 5) Философія и педагогика—названій 32, а книгъ 42;
- 6) Гражданская исторія и географія—названій 72, а книгъ 143;
- 7) Словесность—названій 111, а книгъ 179;
- 8) Физико-математическія науки и естественная исторія—названій 32, а книгъ 52;
- 9) Творенія отцевъ церкви—названій 14, книгъ 76;

10) журналы прежнихъ годовъ—названій 65, а книгъ 388;

11) Смѣсь—названій 18, а книгъ 40;

Сверхъ сего, съ одобренія педагогическаго собранія правленія семинаріи, выписывались для бібліотеки слѣдующія періодическія изданія въ 1876 году и выписаны на 1877 годъ: 1) Христіанское чтеніе; 2) Православное обозрѣніе; 3) Семья и школа; 4) Народная школа; и 5) Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Кишиневъ, 11 (23) апрѣля. Деша «Правительственнаго Вѣстника». Въ девять часовъ утра Государь смотрѣлъ въ Тирасполѣ части восьмага корпуса. Послѣ смотра, въ своемъ напутственномъ словѣ сказалъ между прочимъ: «Мнѣ жаль было пускать васъ въ дѣло, а потому Я медлилъ сколько было возможно. Но разъ честь Россіи затронута, Я убѣжденъ, что мы всѣ до послѣдняго человѣка сьумѣемъ постоять за нее. Съ Богомъ! Желаю полнаго успѣха. До свиданья!

Петербургъ, 12 (24) апрѣля. Деша «Правительственнаго Вѣстника»: «Только что обнародованъ правительствомъ Высочайшій манифестъ, которымъ въ виду безуспѣшности миролюбивыхъ настояній, Императоръ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска свои, повелѣваетъ имъ вступить въ предѣлы Турціи. Манифестъ данъ въ Кишиневѣ 12 (24) апрѣля.

КІЕВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го Апрѣля. № 8. 1877 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

О ЛАТИНСКИХЪ ПРОПОВѢДНИКАХЪ НА РУСИ КІЕВСКОЙ ВЪ X И XI ВѢКАХЪ.

«Пріидоша нѣмцы отъ Рима... Рече же Володимерь нѣмцамъ: идѣте опять, яко отци наши сего не пріяли суть». Несторъ.

Въ первые вѣка нашей эры христіанство распространилось проповѣдью частныхъ лицъ и мѣрами чисто-нравственными. Частныя же лица и отчасти помѣстные церкви тѣми же исключительно-нравственными средствами распространяли христіанство у варваровъ и въ то время, когда христіанство сдѣлалось господствующимъ въ предѣлахъ греко-римской имперіи. При этомъ способѣ распространенія, христіанство выигрывало во внутренней силѣ убѣжденія вѣрующихъ, но теряло въ ихъ численности. Съ VIII вѣка на западѣ и съ IX вѣка на востокѣ этотъ способъ христіанской миссіи измѣняется: христіанство распространяется теперь главнымъ образомъ путемъ политическимъ, содѣйствіемъ государства, при помощи, конечно, дѣятелей и

средствъ церкви. Съ христіанствомъ утверждалась одна вѣра, одинъ нравственный законъ, одинаковое міросозерцаніе, одинаковые нравы и учрежденія. Христіанскія государства признають важность такого объединенія съ собою окружающихъ варваровъ и заботятся объ обращеніи ихъ въ христіанство. И варварскіе народы, особенно ихъ правители, съ своей стороны видятъ въ христіанствѣ необходимое условіе для вступленія въ семью европейскихъ народовъ,—и идутъ навстрѣчу цивилизирующему вліянію христіанскихъ государствъ. Распространяясь путемъ государственнымъ, сверху внизъ, проникая въ народныя массы по вліянію просвѣщеннаго деспотизма правительствъ, христіанство принималось внѣшнимъ образомъ, формально, не проникало въ глубину сознанія; за то оно пріобрѣтало сразу цѣлыя народныя единицы и его вліянію подчинялся весь общественный строй новообращеннаго народа.

Когда возникъ этотъ новый порядокъ въ распространеніи христіанской цивилизаціи, Европа раздѣлилась на два района государственно-цивилизующей дѣятельности. Центромъ перваго былъ Римъ и королевство франкское (затѣмъ имперія). Еще съ первыхъ каролинговъ франкское королевство начинаетъ проводить христіанскую цивилизацію путемъ государственнаго вліянія и мало по малу сколько силою оружія, столько же и средствами церкви соединяетъ разрозненныя племена германской расы въ твердый организмъ имперіи Карла Великаго. Въ IX и X вѣкахъ таже политика завоеванія и христіанскаго просвѣщенія сосѣднихъ народовъ распространяетъ вліяніе имперіи далѣе на востокъ—въ Даніи, у сѣверо-западныхъ славянъ, отчасти въ Чехіи, Польшѣ, Венгріи. Практическій геній романо-германскаго міра самымъ тѣснымъ образомъ соединяетъ государственную политику

съ церковною и съ неослабною энергіею проводить христіанство всюду, куда только проникають политическія отношенія имперіи. — Другой центр христіанской цивилизаціи лежалъ въ Византіи. И отсюда, хотя въ слабѣйшей степени, христіанство съ IX вѣка распространяется путемъ государственнымъ. Вслѣдствіе сравнительной слабости государственнаго организма Византіи, иного положенія церкви и духовенства и большаго племеннаго различія народовъ, окружавшихъ Византію, кругъ ея вліянія былъ тѣснѣе, тѣмъ не менѣе подобнымъ же государственнымъ путемъ отъ Византіи получаютъ христіанство Болгарія, Сербія, Моравія, отчасти затѣмъ Венгерія. Промежуточные пункты между западнымъ и восточнымъ районами подвергаются вліянію христіанства съ двухъ сторонъ, и въ слѣдствіе разности въ характерѣ восточной и западной церкви въ этихъ пунктахъ происходитъ болѣе или менѣе продолжительная борьба началъ восточныхъ съ западными.

По неизбежной необходимости всѣ европейскіе народы рано или поздно должны были принять христіанство. Не рано и не поздно, а въ опредѣленное историческими судьбами Промысла время и для нашихъ предковъ наступила пора христіанскаго просвѣщенія. Откуда же должна была принять христіанство Русь? Непосредственно она не соприкасалась ни съ византійскою, ни съ западною имперіею. Византія была ближе, — «путь въ Греки» съ незапамятныхъ временъ былъ извѣстенъ на Руси и первыя международныя сношенія нашихъ предковъ были именно съ Греціею. Но съ другой стороны ближе и ближе подходилъ къ Руси и кругъ политическихъ и нравственныхъ завоеваній запада. Энергическая пропаганда латино-нѣмецкая также должна была приразиться къ Руси, и ей, такъ же какъ Болгаріи и Мо-

равнѣ, предстоялъ глубокой важности вопросъ—откуда принять вѣру, чьему подчиниться вліянію—восточному или западному.

Вопросъ о латинскихъ проповѣдникахъ на Руси въ эпоху обращенія ея въ христіанство довольно разработанъ въ нашей церковно-исторической наукѣ, и преимущественно въ видахъ полемическихъ. Мы хотѣли бы только болѣе внимательно прослѣдить западныя свидѣтельства объ этихъ проповѣдникахъ и сопоставить показанія западныхъ источниковъ съ свидѣтельствами нашихъ лѣтописей.

По нашимъ лѣтописямъ латино-нѣмецкая пропаганда на Руси въ первый разъ обнаруживается при обращеніи въ христіанство св. Владиміра, къ которому приходятъ «нѣмцы отъ Рима». По западнымъ источникамъ вопросъ о выборѣ вѣры начинается раньше, еще при первой христіанской правительницѣ и строительницѣ русской земли великой княгинѣ Ольгѣ. Древнѣйшій источникъ по этому предмету современникъ событія продолжатель Регинона въ своей хроникѣ пишетъ: «Въ лѣто воплощенія Господня 959... послы Елены, княгини (reginae) Руговъ (Rugorum), которая при Романѣ императорѣ константинопольскомъ крещена была въ Константинополѣ, притворно, какъ послѣ оказалось, пришедши къ императору просили поставить епископа и пресвитеровъ этому народу. 960 г. императоръ Рождество Христова праздновалъ въ Франкфуртѣ, гдѣ Либуцій изъ киновитовъ св. Альбана посвященъ былъ въ епископа для народа Руговъ. 961 г. Либуцій, въ предшествующемъ году задержанный нѣкоторыми обстоятельствами, 15 марта умеръ, и преемникомъ ему въ епископствѣ для отправленія на чужбину, назначенъ Адальбертъ изъ киновитовъ св. Максимиана,—назначенъ по интригамъ и навѣту архіепископа

Вильгельма, хотя онъ ни въ чемъ противъ него не погрѣшилъ и наилучшимъ образомъ былъ преданъ ему. Благочестивѣйшій императоръ, снабдивъ Адальберта съ обыкновенною ему щедростію всѣмъ нужнымъ, съ честію отправилъ. 962 г. Адальбертъ, посвященный въ епископа для Руговъ, не могши успѣть ни въ чемъ, для чего былъ посланъ, и видя свой трудъ тщетнымъ, возвращается, и тогда какъ нѣкоторые изъ его спутниковъ были убиты, самъ онъ съ большимъ трудомъ едва спасся, и прибывши къ императору, былъ принятъ имъ съ любовію»¹⁾.

Какъ смотрѣть на это свидѣтельство?

Молчаніе русскихъ лѣтописей объ этомъ фактѣ, странность обращенія недавно крестившейся въ Константинополь Ольги къ нѣмецкому императору съ просьбою прислать западныхъ проповѣдниковъ, когда всего естественнѣе было бы обращаться за ними въ Константинополь, недостатокъ указаній на посредствующія обстоятельства, которыя могли бы объяснять этотъ фактъ и наконецъ названіе русскихъ *guci*, а не *russi*, или *russi*,—все это побуждало многихъ ученыхъ относить это свидѣтельство не къ Руси кievской, а или къ жителямъ острова Рюгена или къ племени русовъ жившихъ въ Галиціи и называвшихся въ X вѣкѣ на востокѣ Хорватами, а на западѣ Ругами²⁾. Но мнѣнія эти, при всей справедливости затрудненій признать фактъ занесенный въ западныя хроники, едва ли могутъ быть приняты. Изложенный нами рассказъ продолжателя Регинона оставленъ подробностями и указаніями, которыя могутъ быть

¹⁾ См. у Pertz т. 1, Continuator Regionis ad an. 959—962.

²⁾ Представитель перваго мнѣнія Ассемани, втораго Бѣлевскій.

отнесены только къ Руси кievской и нашей великой княгинѣ. Притомъ и всѣ болѣе или менѣе близкіе къ этому времени западные хронисты, упоминая о фактѣ переданномъ продолжателемъ Регинона, относили этотъ фактъ именно къ Руси, слово Rugi замѣняли словомъ Rusci или Russi, причемъ особенно важно свидѣтельство Титмара, относившаго рассказъ именно къ Руси кievской ¹⁾. Что касается историческаго значенія этого свидѣтельства, то оно выдерживаетъ всѣ требованія самой строгой критики. Первоначальныя свидѣтельства о фактѣ принадлежать современникамъ и притомъ лицамъ весьма близкимъ къ повѣствуемому событію. Именно: продолжатель Регинона, первый занесшій этотъ фактъ въ лѣтописи, былъ не только современникомъ событія, но и такъ сказать очевидцемъ его: онъ былъ монахъ того же Трирскаго монастыря св. Максимиана, въ которомъ жилъ и русскій миссіонеръ Адалбертъ и какъ видно изъ хроники его ²⁾, былъ съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ. Трудно, невозможно предположить, чтобы лицо столь близкое къ разсказу и главному дѣйствующему лицу разсказа допустило неточность въ показаніяхъ, особенно въ отношеніи къ факту столь важному и безотносительно и въ отношеніи къ другу автора—Адалберту ³⁾. Далѣе—самъ императоръ Оттонъ I въ грамотѣ саксонскимъ князьямъ объ интронизаціи Адалберта, назначеннаго имъ впослѣдствіи

¹⁾ Сводъ западныхъ свидѣтельствъ о посольствѣ Ольги къ императору Оттону можно читать у Шлецера. Несторъ ч. 3-я, стр. 447—452.

²⁾ Cont. Reginonis y Pertz'a Monumenta Sermaniae t. I, ad an. 961 и 962. См. предисловіе Пертца тамъ же стр. 613.

³⁾ Есть даже мнѣніе, что продолжатель Регинона былъ самъ Адалбертъ. Въ такомъ случаѣ сказаніе еще болѣе несомнѣнно. (Wattenbach, Deutsche Geschichtquellen t. I, 270.

на Магдебургскую архіепископскую кафедру, называетъ его «бывшимъ епископомъ и проповѣдникомъ въ Ругіи». Наконецъ и папа Іоаннъ XIII въ грамотѣ объ утвержденіи магдебургскаго архіепископства говоритъ, что Адалбертъ «начала былъ назначенъ епископомъ провинціи Ругіи»¹⁾. Если позднѣйшія хроники, какъ Бведлинбургская, Ламберта, Гильдесгеймская, анналистъ Саксонъ, хроника Барвейская, повторяющія это извѣстіе, могли просто переписывать изъ продолжателя Регинона, то нельзя не обратить вниманія на свидѣтельство Титмара епископа Мерзебургскаго, писавшаго свою хронику въ началѣ XI вѣка и знавшаго исторію славянъ: онъ также говоритъ объ Адалбертѣ, что онъ былъ сначала поставленъ епископомъ Руссіи и оттуда былъ изгнанъ язычниками. Притомъ рассказъ продолжателя Регинона и всѣхъ его позднѣйшихъ пересказчиковъ отличается такою объективностію, такъ свободенъ отъ всякихъ тенденцій восхвалить императора или нѣмецкаго миссіонера, что внушаетъ къ себѣ полное довѣріе. Итакъ рассказъ не можетъ быть отвергнутъ; но можно ли принять его въ букввальномъ смыслѣ такъ какъ онъ передается въ западныхъ хроникахъ? Ученые, относившіе этотъ рассказъ къ кievской Руси, принимаютъ, что императоръ Оттонъ присылалъ на Русь къ великой княгинѣ Ольгѣ епископа Адалберта, но отрицаютъ, что этотъ миссіонеръ былъ посланъ на Русь вслѣдствіе просьбы самой Ольги. На основаніи выраженій, что послы Ольги просили епископа «fictе, ut post claruit» и «per omnia mentiti sunt», ученые эти останавливаются на томъ мнѣніи, что послы были мнимые,

См. Pertz, Leges II, 560—561. Mandatum Ottonis de intronizatione archiepiscopi Magdeburgiensis. Riedel, Codex diplom. Brandenburgensis t. VIII, № VII.

самозванные, были переходные варяги, сказавшиеся послами для какихъ либо своихъ выгодъ, чтобы получить подарки и т. п. ¹⁾ Нельзя не отдать справедливости этому мнѣнію въ томъ отношеніи, что оно хочетъ признать и историческую правду западныхъ извѣстій и вмѣстѣ устранить кажущуюся несообразность обращенія Ольги къ нѣмецкому императору о присылкѣ пословъ. Не можемъ однакоже не замѣтить, что мысль о подложности пословъ есть одно только предположеніе и вовсе не дается смысломъ западныхъ извѣстій. Въ извѣстіяхъ хронистовъ нѣтъ ни слова о подложности пословъ, называемыхъ послами Елены или русскаго народа; выраженія: «*ficte, ut post claruit*» и «*per omnia mentiti sunt*» относятся не къ подложности пословъ, а указываютъ только на то, что они *ficte*, обманчиво просили епископа и проповѣдниковъ вѣры, что русскіе въ концѣ концовъ обманули ожиданія императора, возбужденные этимъ посольствомъ. Мысли о подложности пословъ не читали у продолжателя Регинона и тѣ западные хронисты, которые вполне повторяли тоже самое извѣстіе. Итакъ остается или вполне отвергнуть или вполне признать все показаніе западныхъ лѣтописцевъ, т. е. признать и то, что посольство отъ Ольги къ нѣмецкому императору Оттону I дѣйствительно было. Исторія представляетъ весьма мало посредствующихъ данныхъ къ признанію такого посольства, тѣмъ не менѣе есть нѣкоторыя указанія, допускающія возможность и вѣроятность этого факта, который и признавалъ уже Шлецеръ. Въ исторіи обращенія въ христіанство Болгаріи, отчасти Моравіи и даже въ исторіи крещенія Владиміра мы видимъ, что принятіе вѣры отъ извѣстнаго народа

¹⁾ Соловьевъ, т. I, стр. 350 и др.

въ представленіи язычниковъ соединялось—и большею частію, справедливо—съ мыслию о нѣкотораго рода зависимости отъ него болѣе или менѣе тягостной, вслѣдствіе чего приходилось если не завоевывать вѣру, то выбирать просвѣтителей менѣе опасныхъ въ политическомъ отношеніи. Не могло ли быть и на Руси явленія аналогичнаго съ поступкомъ Болгарскаго князя Бориса, послѣ Византіи обратившагося къ Риму и—прибавимъ для полной аналогіи—отъ папства снова и уже безповоротно привязавшагося къ восточному православію? Въ пользу этого предположенія могутъ служить нѣкоторыя указанія нашихъ и византійскихъ лѣтописей объ охлажденіи между великою княгинею Ольгою и византійскимъ дворомъ послѣ ея крещенія въ Константинополѣ. Такъ по свидѣтельству лѣтописи Нестора, когда чрезъ нѣсколько времени послѣ крещенія Ольги пришли къ ней послы отъ императора Константина Порфиророднаго съ просьбою даровъ и войска, то Ольга сказала: «скажите императору: если ты такъ же постоишь у меня на Почайнѣ, какъ я у тебя въ судѣ (въ константинопольской пристани), то тогда дамъ тебѣ» (дары и войско) ¹⁾. Царственный воспріемникъ съ своей стороны какъ кажется также платилъ нерасположеніемъ своей духовной дочери и ея народу. Императоръ Константинъ Порфирородный въ своихъ сочиненіяхъ неблагосклонно отзывался о русскихъ, сравниваетъ ихъ съ хозарами и турками, говоритъ о ихъ «ненасытной жадности» и внушаетъ своему наслѣднику правила какъ нужно отговориться въ случаѣ, если русскіе будутъ просить чего нибудь изъ византійскихъ драгоценностей ²⁾. Такое охлажде-

¹⁾ Несторъ подъ 855 г.

²⁾ Знай, сынъ,—говоритъ онъ,—что у всѣхъ сѣверныхъ народовъ существуетъ какъ будто отъ природы ненасытная жад-

ніе между Ольгою и императоромъ Константиномъ, не могло ли вызвать ее обратиться за епископомъ и священниками на западъ? Другія историческія черты нашей великой княгини—первой земскою строительницы, ревностной христіанки, заботившейся о распространеніи христіанства, но не чуждой стремленія къ славѣ, чувствовавшей и наказывавшей оскорбленія,—не противорѣчатъ такому предположенію. Что касается разностей между восточною церковію и западною, то онѣ безъ сомнѣнія не могли останавливать св. Ольгу отъ религіозныхъ сношеній съ западомъ точно такъ же, какъ не останавливали и другихъ славянскихъ князей, какъ напр. Бориса болгарскаго. Св. Ольга конечно смотрѣла на западную имперію только какъ на имперію христіанскую и безъ сомнѣнія еще незнакома была съ тѣмъ духомъ и направлениемъ, какимъ отличалась западная церковь и ея миссіонеры. Ольга могла послать посольство именно къ императору Оттону, а не къ папѣ: посольство могло имѣть значеніе и для политическаго сближенія съ имперією, обаяніе которой привлекало къ себѣ многихъ славянскихъ кня-

ность къ богатству, вслѣдствіе чего они все просятъ и за ничтожное дѣло требуютъ огромной награды. Поэтому если когда-нибудь или хозары или турки или русскіе или другіе какіе сѣверные и скиѣскіе народы, какъ часто случается, будутъ просить о присылкѣ себѣ императорскихъ одеждъ, коронъ или облаченій, то тебѣ нужно отговариваться такъ: „эти облаченія и короны сдѣланы не рукою человѣческою и не человѣческимъ умомъ изобрѣтены, но отъ Бога даны чрезъ ангела Константину Великому съ тѣмъ, чтобы хранились они въ святой церкви Божіей и употреблять ихъ разрѣшено только публично и въ великій праздникъ Иисуса Христа, такъ что изъ нихъ ничего и никому нельзя дарить“.. Наконецъ съ этими народами не слѣдуетъ и вступать въ брачныя союзы. De administr. Imperii c. 13. Stritter, Memoriae populorum 1, 624.

зей, а съ другой стороны вся миссіонерская дѣятельность запада сосредоточивалась тогда въ рукахъ императора, а не папы и въ X вѣкѣ епископы и миссіонеры посылались и назначались не папою, а императоромъ. Неизлишнимъ считаемъ присовокупить къ этому, что по нѣкоторымъ западнымъ хроникамъ русскіе послы упоминаются и на кведлинбургскомъ сеймѣ императора Оттона II въ 973 году, слѣдовательно еще гораздо раньше, чѣмъ Владиміръ сдѣлался непосредственнымъ сосѣдомъ Чехіи ¹⁾.

Высказывая это, мы однако же не думали стать выше предположеній, которыя въ нашей наукѣ вызываются и оправдываются современною критикою нашей древней лѣтописи. Трудность отвергнуть показанія западныхъ хронистовъ составляетъ главную силу этого предположенія. Для нашей дѣли несравненно важнѣе результатъ посольства, чѣмъ самое посольство. Было ли оно дѣйствительно послано Ольгою или было дѣломъ русскихъ выходцевъ, какъ бы то ни было, несомнѣнно, что оно было принято императоромъ Оттономъ весьма благосклонно (*benigne*). Неожиданная просьба отъ повелительницы народа, внушавшаго страхъ Византіи, отъ княгини христіанки, уклонявшейся отъ Византійской имперіи и просившей епископа и пресвитеровъ отъ нѣмецкой имперіи, не могла не льстить честолюбію нѣмецкаго императора и могла подавать надежду на пріобрѣтеніе въ русскомъ народѣ сильнаго союзника, не лишняго для имперіи. Императоръ очень обрадовался (*multum gavisus*) ²⁾ этому случаю и съ охотою удовлетворилъ просьбѣ русскихъ. По порученію его, Бременскій архіепископъ Адальдагъ, пользо-

¹⁾ Lamberti annales. Pertz III, 65.

²⁾ Ann. Saxo ad. an. 959.

вавшийя особенною довѣренностію его долженъ былъ изъ своего духовенства, знакомаго съ миссіонерскими обязанностями по своимъ отношеніямъ къ сѣверо-восточнымъ славянамъ и датчанамъ, — избрать особенно надежнаго миссіонера для Руси и посвятить его во епископа на Русь. Выборъ Адальдага палъ на Либуціи, монаха изъ монастыря св. Альбана, — мужа честнаго поведенія, кагб замѣчаетъ анналистъ Саксонъ и твердаго въ католичествѣ ¹⁾, — который и былъ посвященъ въ епископа Руси. Не слишкомъ охотно шли западные миссіонеры на проповѣдь Евангелія ради одного только апостольства. На западѣ давно уже, едва ли не со временъ британскихъ проповѣдниковъ и Бенифація оскудѣлъ духъ чисто-апостольскаго подвижничества; не было недостатка въ проповѣдникахъ, когда дѣло шло о проповѣди у народовъ покоренныхъ или союзныхъ съ имперіею, когда проповѣдникъ могъ путешествовать съ отрядомъ солдатъ и когда за подвигъ обѣщалось осязательное вознагражденіе въ новообращенной странѣ. Но отправиться въ страну далекую, неизвѣстную, не стоящую ни въ какихъ отношеніяхъ къ имперіи, отправиться безъ поддержки свѣтской власти, безъ всякаго житейскаго расчета, во имя только Евангелія, — на такое путешествіе были способны очень немногіе представители тогдашней западной церкви. Либуціи по какимъ-то обстоятельствамъ (*quibusdam dilationibus suspensus*) слишкомъ годъ медлитъ отправиться въ далекую дорогу, и наконецъ умираетъ. На мѣсто Либуціи избирается Адальбертъ, монахъ Трирскаго монастыря св. Максимиана. Что медлительность Либуціи въ отправленіи къ своему миссіонерскому посту происходила

¹⁾ Тамъ же.

просто отъ нежеланія, — это видно изъ обстоятельствъ выбора преемника ему. Въ миссію назначили Адальберта по интригамъ, и современники и знакомые новаго миссіонера смотрѣли на это назначеніе какъ на наказаніе. Продолжатель Регинона, монахъ того же монастыря и другъ Адальберта, говоритъ: «Адальбертъ сдѣланъ преемникомъ Либуція для отправленія на чужбину по интригамъ и навѣту (*machinatione et consilio*) архіепископа Вильгельма (Трирскаго), хотя Адальбертъ былъ наилучшимъ образомъ преданъ ему и никогда ни въ чемъ противъ него не погрѣшилъ». Какъ видно, новое и повидимому высокое назначеніе Адальберта вызывало не радость, а сожалѣніе. Тѣмъ не менѣе однако же, прошло уже полтора года послѣ того какъ приходили послы отъ Ольги, — и новый епископъ былъ скоро отправленъ на Русь. Императоръ Оттонъ, замѣчаетъ хронистъ, отправилъ его съ почетомъ и снабдилъ его съ обычною щедростью всѣмъ необходимымъ. Съ епископомъ отправлено было вѣроятно не малое число и низшихъ клириковъ, помощниковъ въ дѣлѣ проповѣди. Что же встрѣтилъ на Руси западный епископъ-миссіонеръ съ своими спутниками? Хроника говоритъ кратко: «Адальбертъ, посвященный епископъ Ругійскій, не могши исполнить ничего изъ того, для чего былъ посланъ и видя, что онъ потрудился напрасно, возвращается, и тогда какъ нѣкоторые изъ его (спутниковъ) на обратномъ пути были убиты, самъ онъ едва спасся». Что было причиною такой полной неудачи? Адальбертъ былъ безъ сомнѣнія ревностнымъ миссіонеромъ въ смыслѣ католическомъ. По возвращеніи изъ Руси онъ былъ поставленъ во главѣ славянской миссіи, — былъ назначенъ архіепископомъ магдебургскимъ, съ подчиненіемъ его вѣдѣнію всѣхъ обращенныхъ и имѣющихъ быть обращенными странъ

за Лабю и Салою. Самъ папа Іоаннъ XIII свидѣтельство-
валъ о немъ, что онъ потерпѣлъ неудачу на Руси не по
своему нераченію (*non sua ignavia, sed illorum—ruscorum—
pequitia*) ¹⁾. Но именно то, что онъ былъ ревностнымъ като-
лическимъ миссіонеромъ, самый характеръ и духъ пропо-
вѣди и были главною причиною его неуспѣха. Если опасе-
нія политической зависимости отъ Константинополя и по-
будили Ольгу просить епископа и проповѣдниковъ у запада,
то ея надежды отдѣлить дѣло вѣры отъ интересовъ поли-
тики при религиозныхъ связяхъ съ имперіею оказались еще
болѣе невѣрными. Нѣмецкая проповѣдь естественно съ име-
немъ вѣры, Христа, приносила и Руси, какъ и западнымъ
славянамъ, имя папы и императора, давала чувствовать
неизбѣжность извѣстной церковно-политической зависимости
Руси отъ священной римской имперіи. Проповѣдь западнаго
миссіонера грозила Руси двойнымъ игомъ—и церковнымъ отъ
папы и политическимъ отъ нѣмецкаго императора. Могла ли
такая проповѣдь нравиться народу, не знавшему никакого
подчиненія, гордившемуся своими геройскими подвигами и
наводившему страхъ на самую Византію? Могла ли принять
такую проповѣдь святая представительница этого народа,
искавшая въ христіанствѣ, по выраженію Нестора только
«добрыя мудрости Божіей», несомвѣстной ни съ какими
земными расчетами? И въ краткомъ извѣстіи западнаго
лѣтописца о посольствѣ Адальберта проглядываютъ черты,
изъ которыхъ можно заключить, что помимо религиозныхъ
были и политическія цѣли миссіи. Къ этой мысли приво-
дитъ уже общность и неопредѣленность выраженія: «не могли
успѣть ни въ чемъ, для чего былъ посланъ»,—выраженія,

¹⁾ Riedel, codex diplom. Brandenburgensis. t. VIII, № VII.

указывающаго какъ будто на нѣсколько задачъ возложенныхъ на миссіонера. Но еще больше подтверждаютъ это предположеніе дальнѣйшія отношенія императора къ неудавшемуся миссіонеру. Оттонъ оказывается весьма благосклоннымъ къ Адальберту, какъ будто въ благодарность за безуспѣшное но добросовѣстное исполненіе порученной ему миссіи; Адальбертъ принимается императоромъ съ любовью (caritative), принимается въ императорскую капеллу, — милость которой удостоивались лишь избранныя лица духовенства, — и въ послѣдствіи, какъ мы сказали, назначается на одну изъ важнѣйшихъ кафедръ Германіи. Еще одно замѣчаніе. Разсказъ продолжателя Регинона вовсе не даетъ мысли о безчестномъ изгнаніи западныхъ миссіонеровъ изъ Руси и о ихъ преслѣдованіи здѣсь какъ проповѣдниковъ. Миссія потерпѣла неудачу, миссіонеры должны были возвратиться вспять, но ихъ не преслѣдвали на Руси. Уже на обратномъ пути (in redeundo) ихъ постигло несчастье, вслѣдствіе котораго нѣкоторые изъ спутниковъ Адальберта были убиты и самъ онъ едва спасся. Обстоятельство это могло и не зависѣть отъ миссіонерской проповѣди; миссіонеры просто могли подвергнуться нападенію разбойниковъ и притомъ въ владѣній великой княгини Ольги.

(Продолженіе будетъ).

А. Верновъ.

ДИСПУТЬ ВЪ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Въ воскресенье, 3-го сего апрѣля, въ кіевской духовной академіи происходилъ четвертый магистерскій диспутъ. Приватъ-доцентъ по кафедрѣ сравнительнаго Богословія:

Митрофанъ Филипповичъ Ястребова защищалъ представленное имъ для получения ученой степени магистра Богословія сочиненіе подъ заглавіемъ—«Ученіе аусбургскаго исповѣданія и его апологій о первородномъ грѣхѣ».

Изъ Curriculum vitae, сообщеннаго секретаремъ правленія предъ началомъ диспута, видно, что магистрантъ уроженецъ тамбовской епархіи; первоначальное образованіе получилъ въ мѣстной семинаріи, а окончательное въ кievской академіи, гдѣ, по прошествіи полнаго академическаго курса, успѣшно выдержалъ въ 1871 году магистерскій экзаменъ и затѣмъ опредѣленъ былъ въ *воронежскую* духовн. семинарію преподавателемъ греческаго языка и соединенныхъ съ нимъ предметовъ. Спустя годъ, какъ одинъ изъ наиболѣе даровитыхъ воспитанниковъ академіи, приглашенъ былъ академическимъ совѣтомъ на кафедру сравнительнаго Богословія, которая, послѣ вполне удовлетворительной защиты pro venia legendi, имъ и была занята.—Изъ ученыхъ трудовъ г. Ястребова кромѣ указанной магистерской диссертациі, намъ извѣстны: 1) *Педагогическая дѣятельность іезуитовъ въ Польшѣ и Литвѣ* (напеч. въ Трудахъ кiev. дух. Акад. за 1869 г.), 2) *Современное язычество* (сочиненіе это, удостоенное совѣтомъ Академіи іосифовской преміи, къ сожалѣнію, до настоящаго времени не напечатано. Авторъ дѣлитъ свое изслѣдованіе на *четыре* части, изъ коихъ *въ первой* разсматриваетъ язычество финновъ, подраздѣляемое имъ на культъ чувашъ, черемиссовъ и вотяковъ, и культъ вогуловъ, остяковъ и самоѣдовъ, *во второй*—сибирское шаманство, *въ третьей части*—бурятско-калмыцкой буддизмъ, и наконецъ *въ четвертой*—язычество кавказское. При обзорѣннiи всѣхъ этихъ видовъ русскаго язычества, авторъ обращаетъ вниманіе на три существен-

нѣйшія въ нихъ стороны: на теоретическую или догматическую, нравственную и обрядовую, и занимаясь въ частности тою или другою стороною, большею частію касается интересныхъ подробностей относительно теогоніи, космогоніи и демонологіи язычниковъ, а также ихъ морали, богослуженій общественныхъ и частныхъ, и жертвоприношеній, не упуская при этомъ изъ виду и нѣкоторыхъ обычаевъ языческихъ племенъ, носящихъ на себѣ отпечатокъ религіознаго сознанія... Цѣль автора—дать ясное, отчетливое, основательное и по возможности полное и цѣлостное представленіе о современномъ язычествѣ,—по отзыву рецензента, помѣщенному въ Труд. кiev. дух. Акад.—достигнута, насколько позволяли ему это сдѣлать доступныя ему пособія... Вообще сочиненіе обработано тщательно и представляетъ собою трудъ серьезный и полезный). и 3) *Нѣсколько мелкихъ статей*, помѣщенныхъ преимущественно въ *Воскресномъ Читаніи* прежней редакціи.

Передъ защитою магистрантъ произнесъ рѣчь, гдѣ преимущественно остановился на раскрытіи тѣхъ побужденій, которыми онъ руководился при выборѣ предмета своего сочиненія. Сказанная рѣчь весьма хорошо знакомитъ съ характеромъ защищаемой диссертациі и опредѣляетъ ея мѣсто въ нашей богословской литературѣ.

«При изученіи лютеранства»—говорилъ магистрантъ—(разумѣемъ въ настоящемъ случаѣ лютеранство не какъ историческое явленіе, а какъ церковно-историческую, вѣроисповѣдную доктрину)—дѣло первостепенной важности—опредѣлить центральный, средоточный пунктъ его богословской системы,—пунктъ, изъ котораго бы всѣ частности этой системы развивались и объяснялись какъ моменты одного

общаго начала. Первый опытъ такого опредѣленія, такого философскаго отношенія къ богословской системѣ лютеранства, представляетъ символика Мёлера. «Въ началѣ церковной реформациі XVI в., говоритъ Мёлеръ, мысль реформаторовъ остановилась не на вопросѣ о начальной порѣ чловѣческаго рода, не на вопросѣ также о его концѣ и вступленіи въ блаженную вѣчность, а взяла для себя исходную точку въ самомъ центрѣ чловѣческой исторіи, въ ея внутреннѣйшей и глубочайшей серединѣ, затронула вопросъ самый жизненный и самый близкій сердцу чловѣка, — вопросъ о томъ, какимъ образомъ падшій чловѣкъ вступаетъ въ общеніе со Христомъ и становится участникомъ плодовъ спасенія. А отсюда уже, изъ этого центра, необходимо возникли и пошли разности впередъ и назадъ, къ обѣимъ окраинамъ чловѣческой исторіи, которыя хотѣлось приладить къ сдѣланнымъ въ центрѣ измѣненіямъ». Этотъ «затронутый реформаторами» вопросъ получилъ, какъ извѣстно, свое разрѣшеніе въ *догматъ объ оправданіи одною вирою*: догматъ объ оправданіи Мёлеръ и ставитъ серединнымъ, центральнымъ, догматомъ лютеранской догматики. Мёлеру, въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ большинство современныхъ богослововъ, особенно католическихъ. Дёллингеръ называетъ догматъ объ оправданіи базисомъ, сердцемъ, движущимся центромъ (*centre pivoté*) всей лютеранской доктрины. Въ нашей русской богословской литературѣ Мёлеровскій взглядъ на центральное положеніе въ лютеранской догматикѣ догмата объ оправданіи высказанъ въ сочиненіи Хрисанѳа, нынѣшняго астраханскаго преосвященнаго: «Характеръ протестантства и его историческое развитіе».

Оспаривать въ общемъ этотъ взглядъ нѣтъ основаній. Лютеръ, въ своихъ сочиненіяхъ, весьма часто высказывается

такъ, что догматъ объ оправданіи человѣка одною вѣрою проникаетъ все его бытіе до самой внутренней его глубины,—что онъ основаніе всей его системы, господствующая идея всѣхъ его религіозныхъ вѣрованій,—что онъ источникъ, изъ котораго происходятъ и въ которомъ находятъ свое объясненіе и свой авторитетъ всѣ остальные его представленія о религіи и церкви,—что единственно въ немъ почерпаетъ онъ свое мужество и свою силу для дальнѣйшаго веденія своего дѣла,—что, наконецъ, его церковь умретъ или будетъ жить вмѣстѣ съ этимъ догматомъ, и т. под. Но, спрашивается, въ самомъ ли дѣлѣ мысль Лютера остановилась непосредственно на догматѣ объ оправданіи одною вѣрою и къ нему, такъ сказать, прилаживала, поддѣлывала остальные части богословской системы, какъ представляется это у Мёлера? И если такъ, то почему остановилась она именно на этомъ догматѣ? Въ названномъ сочиненіи Хрисанѳа развивается, между прочимъ, такая мысль, что догматъ объ оправданіи одною вѣрою образовался у Лютера *per contrarium*, какъ противоположность тому широкому значенію добрыхъ дѣлъ, которое приписывалось имъ въ церковной практикѣ католичества: но почему же именно какъ противоположность?—По нашему представленію, догматъ объ оправданіи одною вѣрою явился у Лютера продуктомъ извѣстныхъ началъ, выводомъ изъ извѣстныхъ посылокъ и предполагаетъ извѣстныя основанія. Намъ думается, что въ основной мысли этого догмата онъ приведенъ былъ тѣми представленіями о падшемъ состояніи человѣка, образованіе которыхъ относится ко времени весьма ранняго періода его жизни и начальные мотивы которыхъ замѣчаются въ самыхъ первыхъ его проповѣдяхъ. Намъ думается, что догматъ этотъ свое объясненіе получаетъ

въ ученіи о первородномъ грѣхѣ и что, взятый отдѣльно, онъ является лишеннымъ живаго смысла афоризмомъ. Намъ думается даже, что ученіе о первородномъ грѣхѣ, въ лютеранской догматикѣ, не только представляетъ собою основаніе для догмата объ оправданіи, но отсылаетъ логически почти ко всѣмъ—по крайней мѣрѣ главнымъ—пунктамъ лютеранской догматической системы.

Отраженіе ученія о первородномъ грѣхѣ—закончилъ свои сужденія магистрантъ—чувствуется на всей лютеранской богословской системѣ, въ немъ положены стили, дающія лютеранской догматикѣ своеобразный, оригинальный характеръ. Между тѣмъ, это столь важное для общаго уразумѣнія лютеранства ученіе въ католическихъ и даже протестантскихъ символикахъ, т. е. въ такихъ системахъ, нарочитымъ и спеціальнымъ предметомъ которыхъ служить изложеніе вѣроисповѣдныхъ ученій, не только не получаетъ своего надлежащаго раскрытія, но излагается въ большинствѣ случаевъ небрежно, а подъ часъ и положительно невѣрно. Намъ хотѣлось возстановить истинный смыслъ этого ученія, въ сознаніи его важности для уразумѣнія лютеранства, изученіе котораго со стороны его доктрины составляетъ, между прочимъ, предметъ спеціальной богословской науки такъ называемаго сравнительнаго Богословія, преподавателемъ котораго состою я при здѣшней академіи».

Официальныхъ оппонентовъ было два: экстра-ординарный профессоръ С. М. *Сольскій* и доцентъ М. А. *Олесниукій*.

Первый въ своихъ выраженіяхъ обратилъ преимущественно вниманіе на два пункта:

во *первыхъ*, на отсутствіе (во введеніи) побужденій, которыми руководился магистрантъ при выборѣ темы для

своего труда, вслѣдствіе чего для незнакомыхъ со значеніемъ ученія о первородномъ грѣхѣ въ системѣ христіанской догматики можетъ показаться страннымъ избраніе для изслѣдованія такого предмета, который только въ средніе вѣка и во время реформаціи служилъ основою для оживленныхъ преній и тогда могъ привлекать къ себѣ вниманіе; *во вторыхъ*, на ограниченіе своего изслѣдованія почти исключительно тою эпохою, съ которою ученіе о первородномъ грѣхѣ было предметомъ оживленныхъ преній. Если бы, по замѣчанію оппонента, магистрантъ раздвинулъ рамки своего изслѣдованія и изложилъ послѣдовательно развитіе ученія о первородномъ грѣхѣ, начиная съ первыхъ вѣремъ христіанства и оканчивая послѣдними раціоналистическими воззрѣніями съ показаніемъ его отношенія къ нашему православному богословію, тогда авторъ придалъ бы своему сочиненію болѣе интереса. Тогда онъ не ограничился бы однимъ общимъ изложеніемъ воззрѣній на ученіе о первородномъ грѣхѣ древней церкви, но, начавъ съ изученія писанія и останавливаясь на толковникахъ, открылъ бы многихъ учителей въ древней церкви, съ вниманіемъ относившихся къ этому основному догмату христіанскаго вѣроученія; тогда и раскрытіе средневѣковыхъ доктринъ получило бы болѣе систематической правильности и послѣдовательности; тогда и самое изложеніе освободилось бы отъ той, по мѣстамъ, сухости и тяжеловатости, которымъ авторъ не могъ не поддаться подъ исключительнымъ вліяніемъ схоластическихъ и символическихъ доктринъ.

Магистрантъ отвѣчалъ, что въ своей рѣчи онъ съ достаточною полнотою развилъ побужденія, которыми руководился при выборѣ темы своего изслѣдованія; въ самой же книгѣ считалъ подобныя объясненія излишними, такъ какъ

трудъ его имѣеть значеніе для специалистовъ, которымъ хорошо должно быть извѣстно значеніе въ богословской наукѣ предмета, избраннаго имъ для разработки. Что же касается втораго замѣчанія относительно ограниченія изслѣдованія извѣстною эпохою, то задачею магистранта, по его объясненію, было—представить собственно ученіе *лютеранъ* о первородномъ грѣхѣ, для чего не было нужды слѣдить за развитіемъ этого ученія у *всѣхъ* отцевъ и учителей церкви, а достаточно было отмѣтить главныя въ немъ направленія, что имъ—магистрантомъ въ своемъ сочиненіи и сдѣлано; магистрантъ позволяетъ себѣ думать, что постановка дѣла, рекомендуемая оппонентомъ, крайне не выгодно отозвалась бы на изслѣдованіи, при внесении въ него много совершенно не нужнаго матеріала.

Вторымъ оппонентомъ—*М. А. Оленичкинъ* сдѣлано было около 8 возраженій. Укажемъ на вѣкоторыя изъ нихъ:

1) Приступая къ изслѣдованію магистрантъ старается проложить себѣ дорогу, обзрѣваетъ труды другихъ ученыхъ по избранному предмету и при этомъ приходитъ къ заключенію, что всѣ эти труды не удовлетворительны. Такъ изслѣдованіе *Марайнеке* страдает невѣрностію, изслѣдованіе *Кельнера*—противорѣчіемъ, ученіе *Бодемана* невыдержанностію и *Титтмана* неопредѣленностію. Оппонентъ заявилъ, что онъ ознакомился съ трудами поименованныхъ ученыхъ и находитъ отзывъ о нихъ магистранта несправедливымъ. Такъ магистрантъ упрекаетъ *Марайнеке* въ невѣрности, выставляя на видъ, что онъ а) извратилъ ученіе схоластиковъ объ отношеніи между *образомъ Божиимъ* и *первобытною праведностію*, и в) что онъ невѣрно представилъ ученіе протестантовъ о паденіи. По мнѣнію оппонента означенныя упреки, дѣлаемые *Марайнеке*, веряются въ собственномъ

недоразумѣніи магистранта, именно онъ не присмотрѣлся внимательно, что *Марайнеке* разумѣеть подъ словомъ *образъ*. Образъ у *Марайнеке* обозначается не словомъ *Bild* а *Ebenbild*, что значить не *образъ* а *подобіе*. Поэтому, когда *Марайнеке* говорить, что, по ученію схоластиковъ, вслѣдствіе паденія человѣкъ потерялъ образъ Божій, то это не значить, что онъ потерялъ *первоначальныя силы*, дарованныя ему при твореніи, а *силы*, которыми онъ былъ надѣленъ впоследствии, въ прибавокъ къ первоначальнымъ. Такое, а не иное значеніе образа по *Марайнеке* можно усматривать и изъ другихъ мѣстъ его сочиненій. Въ такомъ же смыслѣ *Марайнеке* употребляетъ слово образъ, говоря о паденіи человѣка по ученію протестантовъ.—Подобными же недоразумѣніями со стороны магистранта оппонентъ старался объяснить его неодобрительные отзывы о трудахъ и другихъ поименованныхъ ученыхъ.

2) Обзоръ изложеній ученія лютеранскихъ символовъ о первородномъ грѣхѣ, представляемыхъ католическими и протестантскими символиками, приводитъ магистранта къ тому заключенію, что въ этихъ символикахъ символическое ученіе лютеранъ о первородномъ грѣхѣ не получаетъ своего надлежащаго раскрытія. Поэтому онъ въ своемъ сочиненіи старается возстановить лютеранское ученіе о первородномъ грѣхѣ путемъ непосредственнаго изученія символовъ. Но— по мнѣнію оппонента—магистрантъ придалъ лютеранскимъ символамъ иное значеніе, чѣмъ какое придаютъ имъ сами протестанты; такимъ образомъ, если бы кто вздумалъ составить вѣрное понятіе объ ученіи лютеранъ о первородномъ грѣхѣ, то онъ не найдетъ его въ защищаемой магистрантомъ книги, хотя она и спеціально посвящена рѣшенію этого вопроса.

3) Опредѣляя символику, какъ науку, магистрантъ говоритъ, что она «не беретъ на себя задачи—ни защищать, ни отвергать доктрину церковныхъ обществъ, а имѣеть своею цѣлю — только изложить эту доктрину, ознакомить съ нею во всѣхъ ея видахъ, подъ всѣми отношеніями». Но—по замѣчанію оппонента—съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Известно, что названіе *Символики* первый усвоилъ этой наукѣ Марайнеке, до него же ее называли *Полемикой*, соотвѣтственно полемическому духу, въ ней господствующему. Хотя впоследствии названіе полемики, какъ сказано, замѣнили другимъ, но этимъ отнюдь не устранили изъ означенной науки полемическій характеръ.

На всѣ дѣлаемые магистранту возраженія онъ отвѣчалъ замѣчательно спокойно и съ большимъ знаніемъ дѣла, что признано было обоими оппонентами, заявившими при концѣ диспута, что сочиненіе магистранта представляетъ *прекрасный критически-обработанный матеріалъ* касательно разсматриваемаго въ сочиненіи предмета.

Диспутъ, длившійся около 2¹/₂ часовъ, кончился заявленіемъ помощника ректора о *признаніи защиты вполне удовлетворительною*. Публика привѣтствовала новаго магистра громкими, продолжительными и — замѣтимъ отъ себя — вполне заслуженными рукоплесканіями.

Н Е К Р О Л О Г Ъ .

Въ 2 часа ночи, противъ 7-го ноября, прошлаго 1876-го года, скончался, маститый старецъ, заштатный протоіерей, бывшій при каневскомъ соборѣ на священническомъ мѣстѣ, Максимъ Григоріевъ Левитскій, 73-хъ лѣтъ отъ роду и на 48-мъ году своего пастырскаго служенія.

Покойный протоіерей Максимъ Левитскій, сынъ священническій, родомъ изъ села Деренковца, черкаскаго уѣзда, — родился въ 1803-мъ году. Не въ роскоши и забавахъ провелъ жизнь свою покойный о. Максимъ въ домѣ многосемейныхъ своихъ родителей, до поступления своего въ черкасское училище, а какъ самъ передавалъ, съ 5-ти лѣтъ пасъ скотъ отца и только изрѣдка занимался подготовленіемъ себя къ училищу и, особенно въ то время когда старшій братъ пріѣзжалъ на праздники, тогда только и была подготовка въ училище, въ которое о. Максимъ и былъ опредѣленъ въ 1815-мъ году. Въ училищѣ для о. Левитскаго началась другая жизнь. Имѣя отъ природы быстрый умъ, доброе сердце и спокойный характеръ, Максимъ Левитскій за свои душевныя качества былъ любимъ всѣми, какъ своими сотоварищами, такъ въ особенности своими наставниками и какъ онъ былъ въ числѣ первыхъ учениковъ во всѣхъ классахъ, то часто наставники за своимъ отсутствіемъ, поручали ему занятія свои въ низшихъ классахъ. Въ 1821-мъ году, Левитскій поступилъ въ Кіевскую Семинарію, гдѣ также занимался очень усердно, былъ любимъ товарищами и наставниками и кончилъ курсъ въ 1827-мъ году со степенью студента. Часто покойный о. Максимъ изъ школьной своей жизни воспоминалъ то, какою онъ пользовался любовію наставниковъ въ училищѣ

и въ семинаріи, и въ свою школьную жизнь не только строгихъ наказаній не испытывалъ, но и выговоровъ ни отъ кого не получалъ.—За то часто приходилось ему, въ домовомъ отпускѣ, переносить разныя непріятности, при хозяйственныхъ занятіяхъ.—По окончаніи курса, Левитскій прибылъ въ домъ отца, который желалъ, чтобы сынъ тотчасъ занялъ вблизи открывшееся священническое мѣсто въ селѣ Мліевѣ, (такъ какъ старшій сынъ его уже былъ по сосѣдству съ Деренковцемъ, въ селѣ Нетребкѣ священникомъ, то старику отцу покойника о. Максима чрезвычайно хотѣлось, чтобы и другой сынъ былъ вблизи его); но по тогдашнему обычаю, для занятія прихода, необходимо было заручиться согласіемъ помѣщика, или его управляющаго. Посоветовавшись съ своимъ родителемъ сынъ отправляется къ управляющему старику, закоренѣлому католику, любившему низкопоклонничество, о чемъ и былъ предупрежденъ своимъ отцемъ; но молодой человѣкъ, по своимъ привычкамъ не могъ унижаться, а потому и явился къ нему съ вѣжливымъ поклономъ, за что управляющій съ грубостію сказалъ ему: «а що скажешь небоже?» Левитскій отвѣтилъ: а то скажу, дядьку,—я пришелъ извѣстить васъ, что я буду въ Мліевѣ священникомъ. За слово «дядьку» еще пуще разозлился на о. Максима управляющій и утвердительно сказалъ: ни за что не будешь. Между тѣмъ, черкасское начальство, просило епархіальную власть опредѣлить Левитскаго на учительскую должность и, въ концѣ вакацій онъ чрезъ мѣстнаго благочиннаго получаетъ указъ Кіевской Д. Консисторіи объ опредѣленіи его учителемъ въ черкасское училище. Поступивъ въ черкасское училище учителемъ, Левитскій не имѣлъ желанія долго оставаться въ немъ, а слѣдовалъ призыву сердца и скорѣе желалъ посвятить себя

на служеніе Богу; но какъ съ управляющимъ села Мліева на первыхъ порахъ вышли непріятности за неоказаніе должнаго поклоненія, то Левитскій уже болѣе и не стремился на занятіе священническаго мѣста въ селѣ Мліевѣ. Между тѣмъ въ Черкассахъ проживала у родственника сиротка Іуліанія Стефановна Андріевская; какъ она была старшаа между сестрами, то за нею по смерти отца былъ предоставленъ приходъ въ заштатномъ городѣ Каневѣ. Пробывъ два года учителемъ въ черкасскомъ училищѣ, и познакомившись съ Андріевскою, Левитскій женился на сиротѣ и въ 1829-мъ году рукоположенъ въ священника къ Каневской Васильевской сгорѣвшей церкви, (какъ значится въ выданной о. Максиму грамотѣ). Для молодаго іерея, вмѣстѣ съ трудностію пастырскаго служенія, открывалось новое поприще дѣятельности, сопряженное съ тяжелыми трудностями—занятія тотчасъ постройкою храма Божія, на что не было никакихъ средствъ, да и прихожане погорѣвшей церкви были бѣдные мѣщане. Имѣя отъ природы пылкій характеръ, о. Максимъ тотчасъ же приступилъ къ дѣлу. Не находя средствъ для постройки новой церкви, о. Максимъ обратилъ свое вниманіе на красующійся среди города, на высокомъ плацу каменный храмъ,—базилианскій монастырь. Отъ старожиловъ онъ узналъ, что храмъ этотъ былъ прежде православный, а послѣ перешелъ въ вѣдѣніе уніатовъ. Имѣя такіа голословныя данныя, о. Максимъ желая точнѣе убѣдиться въ дѣйствительности словъ, тотчасъ отправляется въ Переяславскую Консисторію, къ которой прежде принадлежалъ городъ Каневъ и тамъ нашелъ документы, изъ которыхъ узналъ: что каменная церковь въ городѣ Каневѣ построена еще въ 1145-мъ году, Всеволодомъ Ольговичемъ, княземъ Кіевскимъ. Въ 1630-мъ году, камен-

ная церковь Каневская татарами была сожжена, вмѣстѣ съ людьми въ ней запершимися; отъ пожара она была частью разрушена и въ такомъ состояніи она была 180 лѣтъ, съ 1705 года по 1810-й годъ, когда стараніемъ помѣщика Іоасафа Казарина и другихъ помѣщиковъ, каменная разрушенная церковь Каневская, была возобновлена и по освященіи перешла во владѣніе базилианъ. Собравъ свѣдѣнія точныя о Каневскомъ базилианскомъ монастырѣ, покойный о. Максимъ отправился къ высокопреосвященному Евгенію и объявилъ ему свое пламенное желаніе, вести дѣло объ отнятіи у Базилианъ православнаго каменнаго храма. Покойному о. Максиму на его желаніе, высокопреосвященный Евгеній отвѣтилъ: «если чувствуешь себя на столько сильнымъ, чтобы преодолѣть всѣ непріятности и великія трудности при веденіи столь важнаго дѣла, то приступай къ дѣлу, да поможетъ тебѣ Господь Богъ, а если споткнешся и не преодолѣешь трудностей, тебя ожидавшихъ при веденіи дѣла, то лучше не теряй времени а приступай къ постройкѣ новаго храма; тѣмъ болѣе, что окружающіе помѣщики, приверженцы того монастыря, весьма важные и вліятельные лица и тебѣ очень трудно съ ними бороться». О. Максимъ чувствовалъ себя настолько сильнымъ и непоколебимымъ въ разѣ принятомъ намѣреніи, что прямо отвѣтилъ владыкѣ: «я готовъ и умереть за это святое дѣло, и буду хлопотать до тѣхъ поръ, пока Господь мнѣ поможетъ, этотъ каменный громадный храмъ отнять у базилианъ и обратить его въ православный».

Дѣйствительно, какъ самъ передавалъ покойный, много трудностей и непріятностей приходилось переносить ему при веденіи дѣла, за Каневскій каменный храмъ, пока въ 1833 году, по Высочайшему повелѣнію, не былъ сказанный

храмъ отъ базилианъ отнять и переданъ со все́мъ имуще-
 ствомъ и землями православному духовенству, для чего и
 препровожденъ былъ указъ святѣйшаго правительствующаго
 Синода отъ 26 го ноября 1833 года за № 9137 къ митро-
 политу Евгению. Копія указа хранилась у покойнаго о.
 Максима, въ которомъ красовалось имя покойнаго вмѣстѣ
 съ благодарностію ему. Повѣрка имущества въ базилиан-
 скомъ монастырѣ по описи, а равно—и земель, переписка
 по этому дѣлу, все это продолжалось до 1836 года, въ ко-
 торомъ году, прежде бывшій базилианскій монастырь, былъ
 освященъ и открыто въ ономъ православное богослуженіе
 священно и церковно-служителями Василіевской, сгорѣвшей
 церкви, на мѣсто которой, благодаря усиленнымъ заботамъ
 и самопожертвованію покойника о. Максима, явился въ за-
 штатномъ городѣ Каневѣ, каменный древній православный
 храмъ во имя Успенія Божіей Матери. Во все время этой
 борьбы ему много пришлось перенести много бѣдствій, напр. его
 два раза на пути арестовали, разъ враги его уніаты хо-
 тѣли ночью умертвить. Разъ переяславская дух. консисто-
 рія, которая такъ же противъ него была озлоблена, аресто-
 вала его за то, что онъ явился въ другую епархію безъ
 письменнаго вида своей консисторіи, и былъ подъ арестомъ
 двѣ недѣли, пока кіевская духовная консисторія не выслала
 ему свидѣтельства. Покойный о. Максимъ былъ очень дѣя-
 тельный и въ должности благочиннаго, на которую онъ по-
 ставленъ былъ епархіальною властію, чрезъ два года послѣ
 рукоположенія и проходилъ возложенную на него должность
 честно и безукоризненно болѣе 30-ти лѣтъ, съ 1831 года
 по 1862 годъ. Однимъ словомъ во время прохожденія благо-
 чиннической должности, покойникъ пользовался любовію и
 уваженіемъ не только у подвѣдомаго ему духовенства, но

у всего окружающаго, и не только окружающаго духовенства, но и всѣхъ окружающихъ жителей—православныхъ, иновѣрцевъ, и всякаго сословія людей. До 1845 года въ каменномъ Успенскомъ Каневскомъ храмѣ былъ настоятелемъ самъ о. Максимъ, но въ сказанномъ году, Каневъ дѣлается, вмѣсто Богуслава, уѣзднымъ городомъ; изъ приходской Успенской церкви образуется уѣздный соборъ, куда переводится уѣздный протоіерей о. Игнатій Мацкевичъ, который и занимаетъ мѣсто настоятеля, а покойникъ о. Максимъ остается при соборѣ въ качествѣ помощника настоятелю; но это его нисколько не огорчаетъ; и онъ во всемъ подчиняется распоряженію начальства безпрекословно. Бывшій, въ другой церкви каневской,—священникъ Андриевскій, родичъ покойника, перешелъ въ уѣздные протоіерей; покойнику такъ же можно было бы просить мѣста уѣзднаго протоіеря, но его завѣтная мысль была до смерти оставаться служителемъ при томъ храмѣ, который усиленными его заботами и стараніемъ отнять у католиковъ и переименованъ въ православный; при этомъ храмѣ онъ желалъ и быть погребеннымъ. Покойникъ былъ такъ же долгое время въ духовномъ правленіи присутствующимъ и казначеемъ, гдѣ такъ же проходилъ свою службу честно и безукоризненно, за что отъ епархіальнаго начальства, кромѣ наградъ, получалъ частыя благодарности. Впродолженіе 47 лѣтъ своей пастырской службы покойный о. Максимъ удостоился слѣдующихъ наградъ: въ 1837 году награжденъ набедренникомъ; 1840 года,—скуфією; 1847 года,—камилавкою; 1855 года награжденъ наперснымъ золотымъ крестомъ; 1862 уволенъ отъ благочиннической должности съ благодарностію отъ начальства и въ томъ же году, произведенъ въ протоіерей; 1867 года награжденъ орденомъ

св. Анны 3-й степени. Въ 1875 году, протоіерей о. Максимъ, внявъ просьбѣ своихъ родныхъ—сиротъ, и чувствуя въ себѣ упадокъ силъ, уволился въ заштатъ, предоставивъ свое мѣсто при соборѣ Яворскому, женатому на его родной племянницѣ; но будучи уже и нездоровъ, нерѣдко высказывалъ, что лучше было бы, если бы онъ состоялъ на службѣ до самой смерти.

Послѣ смерти открылась вся нестяжательность покойника; найдено всего только 3 р. сер. Покойникъ просящему никогда ни въ чемъ не отказывалъ, а потому ничего не оставилъ на свое погребеніе, которое принялъ на себя священникъ Яворскій. 8-го ноября, въ день Архистратига Михаила въ два часа по полудни, собравшееся духовенство выносило тѣло покойника изъ его дома въ соборъ. Тѣло покойника провожали всѣ безъ исключенія жители города Канева, даже и иновѣрцы. 9-го ноября въ концѣ заупокойной литургии, священникомъ каневской Преображенской церкви, о. Θεодосіемъ Чайковскимъ сказано было слово, послѣ котораго приступлено къ отпѣванію погребенія. Обширный каневскій соборъ съ трудомъ вмѣщалъ всѣхъ собравшихся въ ономъ духовныхъ чадъ покойника, желавшихъ отдать, любимому пастырю и духовному отцу послѣдній долгъ. Предъ пѣніемъ стиховъ 17-й каѳизмы, настоятелемъ собора протоіереемъ о. Игнатіемъ Мацкевичемъ сказана трогательная надгробная рѣчь, во время которой, многіе собравшіеся въ храмъ плакали,—во все время отпѣванія и погребенія, почти всѣ присутствовавшіе при погребеніи были въ слезахъ. Послѣ евангелія, была также сказана надгробная рѣчь, священникомъ села Хмѣльной Іоанномъ Мельниковскимъ, въ которой изображена была жизнь и дѣятельность покойника о. протоіерея на поприщѣ многотруднаго пастырскаго служенія. По окон-

чаніи трогательнаго священническаго погребенія, всѣ присутствующіе со слезами окружили гробъ покойника и каждый желалъ, въ послѣдній разъ проститься съ своимъ добрымъ и любимымъ пастыремъ. По окончаніи послѣдняго цѣлованія, тѣло покойника несено было священниками къ могилѣ, тутъ же на паперти церковной, на восточной сторонѣ, приготовленной съ разрѣшенія высокопреосвященнѣйшаго Филоея. — Такимъ образомъ осуществилась завѣтная мысль и пламенное желаніе покойнаго о. протоіерея быть погребену вблизи того храма, который его усиленными заботами и стараніемъ перешелъ отъ базилианъ въ вѣдѣніе православныхъ. Жители города Канева долго будутъ помнить и молиться за своего любимаго пастыря, протоіерея о. Максима.

Священникъ *Іоаннъ Мельниковскій*.

ИЗВѢСТІЯ.

По полученной г. начальникомъ края телеграммѣ, Его Императорское Величество Государь Императоръ осчастливитъ Кіевъ Своимъ приѣздомъ 21 апрѣля (въ четвергъ), въ полдень и пробудеть въ немъ 2 часа. Посѣтитъ св. Лавру и производя смотръ войскамъ на экспланадѣ, Его Величество изволитъ немедленно выѣхать.

Въ Правительственномъ Вѣстникѣ 13 (25) апрѣля напечатано Высочайшее повелѣніе объ объявленіи на военномъ положеніи бессарабской губерніи, приморскихъ уѣздовъ херсонской, таврической губерніи и Крыма. 13 апрѣля проѣхали чрезъ Кіевъ воспитанницы одесскаго института благородныхъ дѣвицъ перевозимыя въ Москву и Петербургъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ КНИЖКИ ДУХОВНАГО
ЖУРНАЛА «СТРАННИКЪ» 1877 г.

I. Изъ памятной книжки православнаго русскаго путешественника по Австро-Венгрии. *Свящ. С. В. Протопопова.*

II. Сказаніе о чешскомъ святомъ Іоаннѣ Непомукѣ. (*Окончаніе*). *Ю. С. Анненкова.*

III. Славянофилы и ихъ ученіе въ отношеніи къ богословской наукѣ. *Свящ. Е. К. Смирнова.*

IV. Евангельская притча о званнхъ на вечерю. *Хрисанова, епископа астраханскаго.*

V. Владычный судъ. (Быль, изъ воспом. прошлаго)
IX—XIX. (*Окончаніе*) *Н. С. Лыскова (Стебницкаго).*

VI. Объ употребленіи евреями христіанской крови для религиозныхъ цѣлей. (Разборъ книги И. Лютостанскаго)—нова.

VII. Внутреннее церковное обозрѣніе. (Современное затишье и внутренній его смыслъ.—Некрологи русскихъ преосвященныхъ за истекшій годъ.—Общая характеристика дѣятельности почившихъ и отношеній къ нимъ русской православной паствы.—Преосвященный Леонидъ, какъ наиболѣе характерный выразитель ближайшаго прошлаго нашей церковной жизни.—Пятидесятилѣтній юбилей о. Подозерскаго и выдающіяся черты пастырской его дѣятельности.—Михаилъ, сербскій митрополитъ и типическія особенности его общественнаго служенія—Вопросъ). *А. В—ва.*

VIII. Иностранное церковное обозрѣніе. (Новыя обязанности статсъ-секретаря римскаго престола.—Заботливость

по этому поводу дипломатии и успокоительный отвѣтъ Симеони.—Ватиканское преданіе.—Смерть кардинала Патрици.—Вопросъ объ отмѣнѣ избирательной конклавы.—Назначеніе папъ папами не противорѣчитъ новѣйшей римской догматикѣ.—Итальянское правительство и новые церковно-политическіе законы.—Испанія и вопросъ о религиозной терпимости.—Современные клерикалы Испаніи ушли не далеко отъ временъ инквизиціи.—*С. Е. С.*

IX. Текущая хроника. (Основанія для проекта устава общества вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ с.-петербургской духовной академіи —Новыя свѣдѣнія о новокрещенныхъ инородцахъ енисейской епархіи. (*Письмо въ редакцію*). Прот. Александра Сулоцкого С. О. Бурачевъ (*Некрологъ*).

X. Замѣтки: Два письма покойнаго митрополита московскаго Филарета къ графу М. Н. Муравьеву и его супругѣ графинѣ П. В. Муравьевой.

XI. Объявленія.

Редакторъ-издатель священникъ *С. В. Протопоповъ*.

Подписка продолжается. Цѣна журнала пять руб. съ пересылкою (безъ пересылки 4 р.). Адресоваться: въ Редакцію дух. журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ.

Содержаніе: О латинскихъ проповѣдникахъ на Руси Кіевской въ X и XI вѣкахъ.—Диспутъ въ Кіевской Духовной Академіи.—Некрологъ.—Извѣстія.—Объявленіе.

Печатать дозволяется. 16 Апрѣля 1877 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Типографія С. В. Кульженко, Мало-Житомирская улица, домъ № 83.